Pavlova Ludmila Grigorievna, Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of foreign languages and speech communications; South-Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya st, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: lyudyurpav@gmail.com
Kashaeva Elena Yurievna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of the Department of speech communications and publishing, Institute of Philology, journalism and cross-communication, Southem federal university(93, Universitetsky Lane, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation). E-mail: kashaevaeu@gmail.com

COMMUNICATIVE BARRIERS IN THE SPHERE OF MANAGEMENT

Abstract

The article is devoted to different kinds of barriers, hindering the effective communication in the sphere of management. The barriers in organizational communications are concerned. Substantial attention is paid to the language barriers so in oral as in written kinds of business communication. The necessity of taking into account social cultural differences of communicating people and also their individual peculiarities are emphasized.

Keywords: *communicative barriers, organizational communications, language barriers, communicative qualities of speech, cultural barriers, psychological barriers, communicative efficiency, written business communication, documentary text.*

УДК 316.48 DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-2-180-185

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ: ПОТЕНЦИАЛ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ И ЕГО УЧЕТ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)*

Сериков Антон Владимирович кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 160). E-mail: avserikov@sfedu.ru

Аннотация

В данной статье на основе анализа социологического исследования, проведенного в Ростовской области, рассматриваются конфессиональные процессы, происходящие в поликультурном регионе. Автором описывается потенциал конфликтогенности межконфессионального взаимодействия и предлагаются варианты его учета в процессе образовательной деятельности.

Ключевые слова: *поликультурный регион, конфессиональные процессы, межконфессиональное взаимодействие, Ростовская область.*

Исторически сложилось, что Ростовская область, как административно-территориальное образование, как субъект Российской Федерации имеет специфику поликультурного региона. В рамках совместного проживания и совместной деятельности представители различных этнических и этноконфессиональных групп вступают в отношения на межличностном уровне и реализуют коммуникационные стратегии в рамках публичного дискурса. Иными словами, Ростовская область, как поликультурный регион, испытывает влияние этнодифференциаций по культурному и религиозному маркерам, поэтому актуальным представляется определение векторности конфессиональных отношений, продуцируемых эффектов конфессионального дистанцирования, межконфессионального диалога, конфессиональной идентичности на политическую и социальную стабильность в поликультурном регионе. Исследования ситуации в Ростовской области является модальным, поскольку отражает тенденции, которые складываются в российском обществе при изменении этноконфессионального баланса, миграционных потоков, неоднозначных тенденций архаизации и модернизации в конфессиональных сообществах [1].

* Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

В связи с этим встают вопросы: в какой степени конфессиональные отношения вносят свой вклад в динамику межэтнического общения, в какой степени действуют традиционные механизмы культурной исторической общности российского народа, с какими негативными последствиями в контексте радикализации отдельных конфессиональных сегментов сталкивается общество, и какими видятся пути преодоления рискогенных явлений и ускорения процесса формирования российской (гражданской) политической нации в системе образования.

Конфессиональные отношения интегрированы в систему социальных взаимодействий, конфессиональные общности являются структурной единицей общества, межконфессиональное общение характеризует социальный психологический климат, снижает или повышает социальное самочувствие разных социальных и этнических групп. Соглашаясь с этим утверждением, можно констатировать, что в российском обществе наблюдаются противоречивые процессы, связанные, с одной стороны, с ростом интереса к религиозной традиции, к религиозной культуре, религиозной вере, с другой – нельзя говорить о клерикализации общественной жизни в той же степени, как нельзя утверждать, что в российском обществе формируется активный слой верующих, претендующих на участие в политической жизни и заявку на определение самостоятельной общественной политической ниши.

Как показывают исследования российских социологов под руководством М.К. Горшкова, конфессиональные отношения в российском обществе имеют два измерения: институциональное и повседневное. Для 50% россиян церковь представляется одним из наиболее важных социальных и политических институтов с высокой степенью авторитет и уровня поддержки [2]. По этим показателям церковь уверенно лидирует в верхней ступени институциональной иерархии по степени институционального доверия. В то же время необходимо внести уточнения, связанные с тремя моментами. Во-первых, учитывая традицию «симфонии» церкви и государства в российском обществе, церковь воспринимается как институт в контексте становления и развития российской государственности и не представляется россиянам, как имеющий самостоятельный потенциал для консолидации российского общества. Во-вторых, церковь – это символический институт, институт духовности и культуры, что сужает ее влияние на общественно-экономические и общественно-политические, и социально-экономические процессы, делая упор на социоориентационную, нормативно-ценностную, социокоммуникативную функцию. В-третьих, высокий уровень институционального доверия не означает, что российское общество готово безоговорочно принять позицию в оцерковлении общественной жизни. Очевидно, что на общественное настроение влияет и активность радикальных групп, проповедующих идею теократии.

Как видно из приведенных данных, при том, что церковь выигрывает в лидерстве, по сравнению с традиционными общественными институтами (общественные организации, профсоюзы), речь не идет об ожиданиях, связанных с чрезмерным усилением влияния конфессионального фактора в социальной и культурно-духовной жизни. Судя по результатам опросов, россияне, принадлежащие к основным российским конфессиям, православию и исламу, одобрение деятельности церкви имеет причину в государствоцентрчности россиян, в том, что с традиционными конфессиями ассоциируется лояльность к российскому государству, поддержка основных государственных институтов, воздержания от деструктивной протестной активности.

Поэтому и делается вывод о том, что принадлежность к традиционным и российским конфессиям повышает как степень институционального, так и личностного факторов президентства.[2] Отмечая, что институционализированные конфессиональные практики действуют по схеме традиционных российских религий, нельзя не отметить, что в институциональной проекции проявляется напряженность. Дело в том, что православно-мусульманские отношения в России испытывают влияние изменения этноконфессионального баланса, как и то, что в исламской среде более сильно проявляются тенденции к усилению автономности конфессий и возрастанию их влияния на общественно-политическую жизнь. Действующие в контексте традиционной религии практики, позволяют настраивать схемы долговременного сотрудничества с государством, но проявляется тенденция к расширению влияния конфессиональности, особенно в сфере культуры, образования, межэтнических отношений. Так же очевидна тенденция позиционирования арбитра в социальных и политических конфликтах. Как отмечается российскими исследователями, исламистский активизм обосновывает и пытается насильственным или ненасильственным путем реализовать альтернативный светской государственности социальный политический проект [3]. Реально проявляются разногласия между традиционными священнослужителями и неофитами, протестантами, которые, как правило, имеют светское образование и пытаются в конфессиональных практиках стать участниками социального и поли-

тического переустройства российского общества. Короче говоря, для этой группы верующих конфессиональные отношения представляются стартовой площадкой для иных форм активности и для выражения оппозиционности действующей власти из-за ее светского характера, чрезмерного вмешательства в «дела конфессий» и противодействия социальной и политической миссии религий.

Между тем, позиция представителей религиозно-мировоззренческих групп по такому деликатному вопросу, как «распространения религий» свидетельствует о том, что в целом россияне расстроены демократически. 37% полагают, что религиозный выбор является сугубо личным и добровольным, при этом, не приветствуется практика прозелитизма со стороны не традиционных для России течений [2]. Следствиями такого позиционирования является, во-первых, то, что существует разделение между религией, как личным выбором, и институционализированными практиками, в которых верующие осуществляют консолидированно удовлетворение своих конфессиональных интересов. Во-вторых, институционализированные практики, не претендуя на роль механизмов самооргазации и организации верующих, в общественно-политической жизни на социальном мезо- и макроуровнях воспринимаются как культурные и этнокультурная традиция, как непременное условие самобытности российской цивилизации и, в какой-то степени, обоснования особого пути России. Это вызывает определенное состояние двойственности, так как, с одной стороны, традиционные религии воспринимаются как принадлежность к российской государственности, закрепляют государственную идентичность, с другой – формируют в общественных настроениях включенность конфессионального фактора в этнокультурные установки и этническую идентичность. Конфессиональный фактор, таким образом, выступает интегративным признаком и создает перспективу формирования надэтнических культурно-символических общностей (православная, исламская).

Это обстоятельство создает условия для конструктивных рамок межконфессионального диалога, но в равной степени может ориентировать на модификацию конфессиональных интересов в этнополитические претензии. Речь идет о том, что религия, как этноинтегративный признак, выбирается около 1/3 опрошенных [2]. Отсюда в условиях ослабления государственности, неразвитости институтов гражданского общества открывается возможность для разыгрывания «конфессиональной карты», по крайней мере для того, чтобы конфессиональный дискурс стал сферой выражения интересов групп политического влияния (этнократии). Между тем, упор в гражданской идентичности на общность государства и историческое прошлое (33:49%) значительно укрепляет позиции этноконфессионального фактора, который воспринимается необходимым, наряду с вышеотмеченными, для растущих претензий на самостоятельность по отношению к государственным структурам и другим социальным институтам.

В данном контексте, важным представляется воспроизводство институционализированных конфессиональных практик в рамках межконфессионального диалога и сотрудничества с государством, с расширением зоны социальной инициативности конфессий, реализации демократии участия в тех процессах, которые вмещаются в опыт межконфессиональных отношений в российском обществе. В этой связи, важно подчеркнуть, что для российского общества следует критически оценить модель толерантности, внедряемую на западе в течение последних двух десятилетий [4]. Не говоря уже об эффекте «обратной дискриминации», связанной с предоставлением привилегий различным меньшинствам, вызывает сомнения и признания того, что и другие обладают правами, даже если их способ пользования этими правами вызывает неприязнь [5]. Речь идет о том, что допускается, поощряется институционализация практик, которые могут вызвать у верующих отторжение активной антирелигиозной направленности или насаждением норм, порождающих этническое и конфессиональное высокомерие и обособленность.

Но если согласиться с тем, что религиозный выбор является сугубо личностным и добровольным, что в конфессиональности есть возможность проявления «инаковости», остается открытой проблема регулирования политики толерантности. Как признает М. Уолдсер, реальные достижения толерантности связаны не с установлением «теплых контактов» на межличностном уровне, а с усилиями государства [5]. В поликультурном обществе не следует заниматься политикой поощрения и преумножения культурных и конфессиональных различий, что имеет негативным эффектом возрастание тревог общества по поводу культурной несовместимости. Как пишет российский исследователь С.Г. Ильинская, при существующей практике приоритета коллективных прав в российском обществе и восприятия конфессиональной общности, как группового субъекта, при том, что конфессиональный фактор не только действует на формирование этнической идентичности, но и может усиливать этноцентристскиеэнтенции. Возникает

соблазн воспользоваться «плодами» толерантности для изменения государственной политики в рамках произвольно даруемых привилегий отдельным этническим и этноконфессиональным группам [6].

Опыт конфессиональных отношений в российском поликультурном обществе обосновывает позицию «присутствия государства», подразумевает государственный интервенционизм в предотвращении конфликтов на почве этнической и этноконфессиональной дискриминации с возложением доли ответственности на конфессиональные общности, которая состоит в поддержании у верующих чувства российского патриотизма, уважения к правам других людей и поддержания состояния бесконфликтности в межконфессиональном взаимодействии.Как пишут европейские исследователи, одной из ошибок в проведении политики толерантности в Европе является то, что под угрозой европейского расизма и национализма, и признания религиозной свободы, «вдруг обнаружилось», что толерантность означает абсолютное невмешательство со стороны государства и граждан в дела конфессиональных общностей, активно влияющих на регулирование в сфере не только семейно-брачных и межличностных отношений, но и действующих в рамках определения исламской идентичности, как политически мобилизующего лозунга [7]. Мусульмане воспринимаются как гетерогенная общность, потенциально устремленная на расширение политического участия ислам в политической жизни, наблюдается перверсия образа «другого» в образ «иного», ориентированного на то, чтобы сломать устоявшиеся стереотипы светскости и религиозности.

Вероятно, большим грехом политики толерантности можно считать обоснование на уровне абсолютизации прав личности, без понимания того, что конфессиональность обладает эффектом консолидации и привести к возрождению рецидивов теологизма, казалось бы, преодоленных в эпоху секуляризации и модернизации. Нынешняя постхристианская Европа, где практически утратилось влияние христианства на различные сфере общественной жизни и личный религиозный выбор европейцев подвергается цензуре и самоцензуре под страхом быть обвиненным в отсутствии политкорректности, не может быть ориентиром в развитии конфессиональных отношений в российском поликультурном обществе.

Учитывая, что россияне, вне зависимости от своей религиозной ориентации, привержены к цивилизационному устроению России, включающего в себя содружество народов и конфессий, скрепленному сильным государством [2], на уровне институциональных конфессиональных практик возрастает потребность в противодействии угрозам религиозного экстремизма, внимание к социально значимым проблемам, прежде всего социальной справедливости. И в этом контексте, следует отметить определенный «люфт» между институциональными практиками и схемами типизации конфессиональных ориентаций в российском обществе. Имеется в виду, что среди россиян достаточно высок уровень эклектизма, суеверий (45% верят в приметы) [2]. Это создает ситуацию релятивизма, совмещения веры в Бога с противоречащими конфессиональным канонам установок.

Другими словами, состояние религиозности в российском обществе, имея символическую направленность, влияя на поведенческие коды, не конвертируется в социальны капитал. Предъявляемые к институциональным практикам требования, не подкрепляются участием в социальной жизни конфессиональных общин и, в связи с приведенными данными, следует подчеркнуть, что влияние конфессиональности на обязательность социальных и моральных норм связано с утверждением реального авторитета институционализированных практик в формировании ценностно-нормативной модели российского общества.

Учитывая этот фактор, следует говорить о том, что конфессиональные отношения содержат позитивный эффект в условиях конструирования традиций демократии участия, ориентации на диалог верующих с государством не только в сфере правового регулирования, но и заинтересованности в развитии социальных институтов, что возможно лишь при увязке религиозных традиций с новыми социальными и политическими реальности российского общества. С учетом состояния религиозности в российском обществе, того, что к религии проявляется рациональное отношение и россияне разделяют сферу публичного дискурса и отправления религиозной деятельности. Вектор доминирующих оценок и практик можно видеть в определенном смещении институционализированных практик в реализации социально значимых проектов (материнство, детство, спорт, здоровье, образование).

В 2016 году коллективом Института социологии и регионоведения было проведено социологическое исследование по вопросам межэтнического и межконфессионального взаимодействия [8]. Результатыэтого исследования продемонстрировали, что респонденты удовле-

творены уровнем активности религиозных организаций, профилактики межэтнической напряженности (35,7%), но религия для них не является сильным интегрирующим россиян фактором (11,8%). Очевидно, такой расклад позиций связан с тем, что религиозность признается как личный выбор и может интерпретироваться как показатель принадлежности к этнической группе, но слабо влияет на социальный статус, на расширение возможностей самореализации в общественной жизни. Отдавая должное религии, большинство респондентов остаются «захожанами», то есть не активно участвуют в процессах, где их опыт, знания, приверженность моральным нормам могла бы сыграть позитивное значение.

Есть и определенное ожидание в активизации роли верующих на уровне консолидированной позиции к противодействию религиозному экстремизму, которое осознается россиянами как высокая внешняя и внутренняя политическая угроза. Важно иметь в виду, что для российского общества актуальным становится не практика неучастия в поддержке религиозного экстремизма, сопряженного с ростом практик терроризма. Позитивный потенциал конфессиональных отношений выражается в том, чтобы в реальной жизни разделять умеренную и взвешенную трактовкуконфессиональности, включаться в политические и общественные процессы в доступных и удобных формах (прежде всего через систему местного самоуправления – профсоюзы, общественные организации, национально-культурное землячество). Конфессиональная группа, в этом аспекте может рассматриваться позитивно, при условии ее взаимодействия с социальными и политическими ассоциациями. Иными словами, конфессия не может выполнять роль субститута гражданского общества. Демократия участия означает актуализацию «спокойной модели» самореализации [9].

Приверженность религиозным ценностям содержит возможность использования социальной активности для того, чтобы повысить в обществе влияние коллективных ценностей, содержащих, хотя и не автоматически действующий, рецепт изживания группового эгоизма и повышения уверенности в будущем. Вопрос заключается в том, как обеспечить баланс личных, конфессиональных, этнических и общесоциальных интересов на практике. Учитывая неоднозначность конфессиональной консолидации, как это видно из европейских реалей, и одновременно высокий уровень адаптации конфессиональных отношений к социально-культурному и бытовому контекстам, а также то, что в ценностной системе россиян сочетается традиционализм и современность, опора на конфессиональные отношения прослеживается в готовности к становлению гражданской патриотической позиции.

Обоснованным представляется актуализация в процессе образовательной деятельности Ростовской области гражданско-формирующего подхода, реально отражающего этнический, этнорелигиозный и гражданский потенциал регионального социума. Не оспаривая правомерность вариативности этнокультурного образования и полагая, что конфессиональность является исторически и актуально закрепленным фактором влияния на этнический и гражданский статус учащихся, следует подчеркнуть, что речь идет о развитии общероссийского сознания. По мнению участников самостоятельного социологического опроса, оба вида (этническая и общероссийское) самосознания развиваются (38 %). Это означает, что в рамках этнокультурного образования конфессиональнось является интегрирующим, а не разъединяющим фактором. Неоправданным можно считать как привлечение к миссии этнокультурного образования только священнослужителей, но спорной является и позиция академизма, внешне нейтрального изложения конфессиональных проблем.

Если увлечься красочным описанием религиозных войн и конфликтов, у участников образовательной деятельности формируется готовность к противостоянию, актуализации исторических обид и разногласиям по поводу того, какая религия является государство образующей и какое место принадлежит другим религиям по тесту на патриотизм. Учитывая это обстоятельство, следует подчеркнуть, что для этнокультурного образования важны позиции и учащихся и преподавателей. Так как конфессиональный фактор воспринимается в российском обществе как личный, хотя и обнаруживается влияние коллективной идентификации, образовательная среда является местом социальной коммуникации артикулирования не совпадающих, но нацеленных на согласие мнений и суждений. Ее особенность выражается в том, что это пространство, где люди не обращают внимания на национальность друг друга и вместе с тем общаются с представителями других национальностей. Поэтому конфессиональность содержит возможность преодоления культурного расизма (утверждение о несовместимости норм и правил поведения различных групп) тем, что делает акцент на универсальном значении морали и одновременно развертывает аргументацию в пользу гражданской солидарности, как объединяющей представи-

телей разных этнических групп и конфессий. Если говорить о влиянии конфессионального фактора на образовательный процесс, есть и грустный и позитивный опыт. Важно отметить, что в образовательной системе Ростовской области усматриваются обнадеживающие признаки диалога с религиозной общественностью. Вместе с тем, образовательная система нуждается в создании общественной «палаты», включающей как священнослужителей, активных прихожан, специалистов по конфессиональных отношениям.

Развивая эту мысль, можно говорить о том, что в проекте этнокультурного образования в Ростовской области ключевое значение обретают общегражданские критерии (патриотизм, лояльность к российскому государству, неприемлемость различных форма экстремизма и радикализма, доверие к государственным и социальным институтам, готовность к участию в совместных акциях на низовом уровне). Конфессиональные отношения, таким образом, осмысливаются как важный момент в интеграции российского общества, как способ достижения ценностного консенсуса. Образовательная сфера отличается тем, что выполняет важную функцию социальной и культурно-нравственной безопасности, связанной с необходимостью бережного отношения к культурным и религиозным традициям, противодействия разрушающему внешнему влиянию и нацеленностью на вступление в социально-зрелую жизнь молодежи, использующей конфессиональность в рамках самореализации, расширения культурных и интеллектуальных ресурсов в формировании установок, основанных на взаимоузнавании и диалоге культур и религий.

Литература

1. *Сериков А.В.* Факторы социальной напряженности в Ростовской области (анализ результатов социологического исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 7. С. 34-39.
2. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К.Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. – М.: Изд-во Весь Мир, 2015.
3. Религия и конфликт / под ред. А. Малашенко и С. Филатова– М.: Российская политическая энциклопедия(РОССПЭН), 2007.
4. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой. Ростов-на-Дону, 2015.
5. *Уолдсер М.* О терпимости. – М., 2000.
6. *Ильинская С.Г.* Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. – М., 2007.
7. Perceptions of Islam in Europe. Culture, Identify and the Myslim 'Other'. – L-N.Y. 2012.
8. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия. Ростов-на-Дону, 2016.
9. *Петухов В.* Демократия участия и политическая трансформация России. – М., 2007.

Serikov Anton Vladimirovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate professor, Institute of Sociology and Regional Studies; Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: avserikov@sfedu.ru

CONFESSIONAL PROCESSES IN MULTICULTURAL REGION: CONFLICTOGENIC POTENTIAL AND ITS MEASUREMENT IN THE COURSE OF EDUCATIONAL ACTIVITIES (THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION)

Abstract

In the article the confessional processes in multicultural region are considered on the basis of sociological research conducted in the Rostov region. The author describes the conflictogenic potential of interfaith interaction and offers the alternatives of its measurement in the course of educational activities. The article is supported by the Russian humanitarian scientific fund, the project No. 16-03-00545 "Institutional practicians in interethnic and interfaith interaction in the South of Russia: the cross-disciplinary analysis and assessment of the potential of its use in strengthening of the all-Russian identity".

Keywords: *multicultural region, confessional processes, interfaith interaction, the Rostov region.*